

Происхождение названия реки Амур (К этимологии названия реки Амур)

Анатолий Мармазов

Аннотация

В данной статье была сделана попытка рассмотреть название реки Амур, используя мифологические воззрения народов, населяющих Приамурье, в том числе и такое явление как шаманизм. Также был применен метод ассоциаций, благодаря которым открываются связи между омонимами, то есть фонетически близкими, но разными по значению словами, которые при этом могут находиться в весьма отдаленных друг от друга языках. Попутно рассмотрена вероятная тождественность образа одного из участков нынешней реки Амур с образом русской мифологической реки Смородина.

В результате было выявлено, что именно этот участок реки, имевший в древности сакральное значение, мог носить название Амур, которое затем распространилось на всю реку.

В топонимическом словаре Амурской области название реки Амур выводится из нивхск. дамур — большая река, хотя в доступных словарях нивхского языка такого слова нет, да и собственных, а не заимствованных, слов на букву «д» в них очень немного, что может указывать, по крайней мере, на инородность слова дамур в нивхском языке.

При этом нынешняя река Амур по причине огромного расстояния и большого числа весьма длинных притоков, которые местными народами могли восприниматься как самостоятельные реки, вряд ли осознавалась ими как единое целое, а поэтому трактовка «Амур - большая река» никак не соответствует логике древних топонимических наименований, которые могли передавать наиболее характерные признаки определяемого объекта.

В качестве выяснения самого первого из таких признаков можно привести название реки Амур в нивхском языке, которое передается словом Ла, что по смыслу может соответствовать ее китайским наименованиям Хэйхэ — Черная река и Хэйлунцзян — река Черного дракона, если учесть китайск. лǎ — копить, а также тунгусо-маньчж. лӯ - смола, вар и лӯ — дракон.

Таким образом за названием Ла может стоять смысл затемненности, что объясняется большой примесью осадочных пород в воде Амура, из-за чего она приобретает мутный оттенок, сравнимый с цветом какао, в отличие от остальных светлых рек Сибири.

Это подтверждает и эвенк. слово аму — сажа, нагар (в сопоставлении с му — вода), которое не только является синонимом кит. лǎ — копить, но и фонетически соответствует элементу аму в названии Амур, которому, кстати, соответствует и вьетн. âm — закоптелый, потемневший, секретный, тайный.

Но при этом нивх. ла - ветер, погода и лах - облако, туча позволяют увидеть за образом китайского «Черного дракона» образ довольно частого на Амуре явления, которое называется смерч, при том что др.-р. *смырчь* - облако, черная туча совпадает по значению с нивхск. словом лах, выясняя в нем значение затемненности, свойственной тучам.

И даже эвенк. сугй — смерч содержит в себе элемент, относящийся к гй-ми — копить, где ми является всего лишь указателем неопределенной формы глагола, при том что элемент су может соответствовать маньчж. су — вихрь, завывающий ветер, в то время как в тюркских языках он имеет значение воды.

А значит эвенк. сугй — смерч с помощью значений китайск. лǎ — копить и эвенк. аму — сажа, нагар можно сопоставить с названиями Ла и Амур, но это является всего лишь отождествлением образов смерча и реки по причине условного «закопчения» того и другого, тем более что эвенк. ама — скорей! и тунгусск. амаг - скоро, быстро, соотносящиеся с санскр. ама – натиск, стремительность и с русск. диал. амором — очень быстро, мигом, натиском, в первую очередь указывают на быстроту движения смерча, а не достаточно спокойной в низинах реки.

Чтобы продолжить цепочку соответствий, которые так или иначе могут быть связаны с нивхским названием этой великой реки, стоит упомянуть и нивх. лу — песня, потому что первоначально это могла быть магически экспрессивная и зачастую непонятная остальным людям песня приамурского шамана, который, постепенно убыстряя темп ударов в бубен и темп своего движения по кругу, впадал таким образом в состояние глубокого транса, подобного глубокому сну, и, благодаря этому, проникал в сакральные сферы небесного или хтонического мира, сопровождаемый духами-помощниками, - то есть душа его, образно говоря, как бы засасывалась

в созданную его быстрыми круговыми движениями воронку. Возможно поэтому в слове шаман есть элемент ама, который может соответствовать эвенк. ама — скорей! и эвенк. амэ — сон, а также эвенк. аму — *сажа, нагар*, потому что шаманское искусство называлось «черной верой», — то есть верой таинственной и загадочной в полном соответствии с вьетн. át — закоптелый, потемневший, секретный, тайный.

Можно также отметить, что по словам наблюдателей шаманская музыка во время камлания магическим образом напоминала шум приближающегося смерча, который, благодаря форме своего рукава или хобота, вполне мог быть отождествлен с огромным Змеем.

Этот факт отмечен и в санскр. bhūja-ga — змея, дракон, где элемент bhūja означает «рука, хобот», а элемент ga — идущий хорошо сопоставляется с санскр. gā — идти, петь, воспевать. Видимо таким «хоботом-змеей» являлся и камлающий шаман, подсознательно создававший образ надвигающегося смерча, готового засосать его душу в верхний или нижний миры.

Облик смерча

При этом включение образа змея или дракона в обряды шамана объясняется также тем, что змея служит олицетворением его связи с потусторонними мирами, при том что «Кисточки, украшающие платье шамана в Монголии и Сибири, именуют змейками (могой). Плетка шамана представляется волшебной змеей, а духовный конь шамана порой принимает вид огромной змеи". Здесь стоит только добавить, что под духовным конем (или оленем) в данном случае понимается бубен, с помощью которого шаман путешествует по другим мирам, хотя бубен иногда может заменяться посохом, погремушкой или даже шаманской плеткой с обязательным при этом пением. Есть даже такое понятие как «конь-ветер» или «ветер бубна», обозначающее духовную силу шамана, позволяющую ему выйти из тела, путешествовать по другим мирам и затем благополучно вернуться обратно. Поэтому напрашивается сравнение нивх. ла — ветер не только с дыханием лү - дракона, но и с духовной силой шамана.

Таким образом нивх. лу — песня, ла — ветер, китайск. лà — коптить и тунгусо-маньчж. лү — дракон через ряд ассоциаций, в том числе связанных с камланием шамана, самым неожиданным образом сопоставимы друг с другом, несмотря на разность своих значений, так как они входят в один образный ряд народных верований, куда, между прочим, входит и санскр. sāman — хвалебная песнь, схожее фонетически и отчасти по смыслу с эвенк. словом саман — шаман, а

точнее с эвенк. *sāman* — знак, метка, при том что это значение помимо понятия «подавать знаки духам, в том числе и с помощью песни» можно отнести к обряду посвящения в шаманы, когда начинающий шаман ставит свою личную метку на Мировом древе, под которым можно понимать и самое старое дерево в округе. В хеттск. языке слово *šāṁāna* обозначает основу, фундамент, устои, а в западно-тохарск. *šamāne* – монах, чернец, что указывает на значимость (заметность) и религиозную основу слова шаман, а заодно еще крепче привязывает образ шамана с его черной верой к образу Черной реки Амур.

При этом нивх. *лу* — песня, *ла* - ветер и тунгусо-маньчж. *лү* — дракон, а также китайск. *ла* — коптить, находятся в одном образном ряду с тунгусо-маньчж. и эвенк. *лү* - смола, вар, что может быть объяснено практикой возжигания шаманского священного огня при камлании, дым от которого похож на дым от смолокурения. К тому же смолы, выделяемые растениями и деревьями, применяются для окуривания и для шаманских путешествий во время транса, а слово «вар» может иметь отношение к замкнутому пространству, в котором происходил процесс смолокурения, что ассоциативно соответствует санскр. *vaḡa* – ограниченное замкнутое пространство (круг), которое в шаманской практике именуется священным шаманским пространством.

Можно обратить внимание и на связь ср.-англ. *smolder* — дымиться, чадить и эвенк. *самāлдьг* - шаманить, камлать, где, как и в др.-русск. *сѣмьръчъ* — смерчъ, зафиксирована гласная между «с» и «м», присутствующая и в эвенк. словах *sāmэ* — знак, зарубка, примета, заметный, известный, *самā(н)* — шаман и *самңйн* — дымокур, который имеется у каждого шамана и дым от которого похож на извивающегося Змея. Сравните при этом эвенк. слово *sāmэ* — знак, зарубка, примета с др.-гр. *σῆμα* — знак, отметка, что указывает на широкое распространение магических слов в мире. Это подтверждает и тот факт, что ср.-англ. слово *smolder* — дымиться, чадить с добавочным значением «удушливый дым», которым оно связано со *smother* — душить, иносказательно указывает на стремление «изгнать душу из тела», чем и занимается шаман во время камлания.

Очевидным образом шаманская песня, сопровождаемая ритмичными звуками бубна и звуками колокольчиков на одежде шамана, а также дым от шаманского костра, служат призывающими знаками для духов-помощников шамана, которые должны прийти на его зов и наделить его необходимыми на данный момент знаниями.

Поэтому значения эвенк. *sāmэ* — заметный, известный и *sāmu-* - любопытствовать, хотеть знать, при том что слово «знать» (понимать, иметь представление) не случайно совпадает со словом «знать» (дворянское сословие), характеризуют не только шамана, но и человека, о котором на Руси говорят уважительно: «Сам», что сопоставляется с турецк. *samī* – великий, благородный, а также с тунгусо-маньч. *amā* — отец, предок, медведь, бог и эвенк. *amā* — отец с добавлением начального *sā* — знать, понимать, владеть, быть уверенным, которые также связаны со словами *sāmэ* и *sāmu-* .

Конечно, настоящий шаман должен быть не только знающим и правильно трактующим знаки, посылаемые духами, но и чрезвычайно уверенным в своих силах человеком, потому что малейшее сомнение может привести к печальным последствиям.

По всей видимости с этими словами, а также с тунгусо-маньч. *суму--* руководить, можно связать амхар. *šim* – правитель, аристократ, начальник, который, между прочим, имеет право «шуметь» на своих подчиненных, но никак не наоборот. Так что, возможно, образ устраивающего разнос начальника соответствует образу шумящего смерча или камлающего шамана, а значит слова «Сам» и «шум» вполне могут быть связаны между собой через амхар. слово *šim*, на что, в принципе, указывает и сочетание турецк. слов *samī* – великий, благородный и *sam* – ветер (самум).

Более того эвенкийскому *sāmu-* - любопытствовать, хотеть знать соответствует эвенк. *санā* — мысль, дума, намерение и латин. *sāpē* – разумно, здраво, где наблюдается переход м-н, который приводит к отождествлению русск. слов «Сам» и «сан» (чин или звание, в том числе духовное).

Помимо этого соединение тунгусо-маньчж. *sā* — знать, понимать и *ма* — на! (возьми!) указывает на передачу знаний от духов-помощников к шаману и от шамана к обычным людям, а так как таких духов у великого шамана может быть много, то вместо *ма* можно подставить *ман* — толпа, которую шаман приманивает к себе, что относится и к зрителям, присутствующим на камлании, так как оно никогда не происходит в одиночестве.

В то же время эвенк. *amā* — отец определяет статус шамана (знающего отца) по отношению к

остальным людям, но это же слово могло послужить причиной уважительного «Амур-батюшка». Более того эвенк. ама — скорей! и āмэ — сон, как и тунгусо-маньчж. ама — скорей, аму — дремота, сон, могут относиться к двум вариантам получения необходимых знаний шаманом, которым на бытовом уровне мог быть и отец семейства.

Эти знания получаются через быстроту камлания с последующим впадением в транс и через провидческий сон, но в обоих случаях шаман использует духов своих «спящих мертвым сном» предков, один из которых занимает его тело, пока душа шамана блуждает в иных мирах.

Поэтому др.-гр. οἶμα — знак, отметка, знамение имеет также значение «могильный знак, насыпь, курган», совпадая по ассоциации с санскр. śama — спокойствие, равнодушие, sama — равный, подобный и даже с русск. словом «семя», потому что семена (как и покойников) не надо тревожить после их посадки (захоронения) в землю, а также с тунгусск. амурā — отдыхать, эвенк. амър — валяться, отдыхать, хакасск. амыр — мир, покой и монг. амар — спокойствие, умиротворенность.

Конечно, в действиях шамана нет никакого спокойствия и тем более равнодушия, как и в поведении наблюдающих за шаманским камланием людей, как бы составляющих вместе с ним единое целое, но обращение шамана к потустороннему миру умерших родственников привязывает к его образу помимо вышеназванных слов и англ. same – одинаковый, равный, тот же самый, потому что в смерти все равны, и голл. samen – вместе, да и русск. семена тоже, потому что мы все вышли из семени и когда-нибудь превратимся в семена для будущих всходов.

Вероятно даже мандейск. самана — приглашающий, угощающий и самар — певец, музыкант, блудник в своей основе относятся к образу шамана, призывающего к себе духов и угощающего их соответствующими угощениями, чтобы блуждать в иных, недоступных обычным людям, сферах. Существуют даже сведения о сексуальных контактах некоторых шаманов с духами-помощниками, то есть об их сакральном «блуде». Также не случайно и наличие в этом языке слов самана — лекарство и сама — сладкий аромат, потому что шаманы с помощью духов лечили людей, призывая своих умерших родственников и тотемных животных ароматом сжигаемых пахучих трав.

Камлающий шаман

«Провокационные» эвенк. амӯ- - пахнуть (испражнениями), амурӯк — отхожее место, амурбу — наполниться содержимым и амӯн- испражняться, как и тунгусо-маньчж. аму — испражнения, кал, помет, хотя ассоциативно и могут описывать мутный или болотистый цвет амурской воды и запахи моря, что определяется эвенк. амут - озеро, болото, море (сравните: омут), но тем не менее эти «провокации» могут являться символическим обозначением золота, богатства и шаманской силы, что, между прочим, могло отразиться в турецк. sâmap - богатство, имущество, спокойствие, порядок, а также обозначением того, что в алхимии передается латин. nigredo — чернота, - то есть полное разложение как первый этап Великого делания, означающего по словам фр. оккультиста Элифаса Леви полное и всеобщее раскрытие способностей делателя (в данном случае шамана), власть над своей судьбой, и, в особенности, совершенное освобождение его воли (то есть его духа).

Как мы видим, значение «чернота» хорошо подходит к кит. названию Амура Хэйхэ — Черная река, в то время как смысл «полного разложения» в своей основе может быть связан с образом умирания и последующего возрождения, что согласуется с библ. «и восстанут мертвые и встанут в один ряд с живыми...».

В качестве дополнительных значений, за которыми скрывается образ шамана, можно указать тунгусо-маньч. аму — халат, под которым можно подразумевать шаманский костюм, и амар — позади, зад, что в тунгусо-маньчж. языках может соответствовать северной стороне, так как вход в юрту мог быть с южной стороны, но именно в задней части юрты и располагалось то священное место, где шаман хранил свои обрядовые предметы. Естественно, что и уборная в таком случае располагалась с северной стороны, то есть на задах, чтобы запах не задувало в юрту. Так происходит соединение сакрального и профанного.

К тому же элемент амар в тунгусо-маньчж. языках, к которым относится и эвенк. (тунгусск.) язык, связан не только с понятием задней стороны, но и с образом оленя-амаркана при наличии у шаманов священных оленей, на которых во время кочевания перевозились обрядовые предметы и святыни, и на которых запрещалось ездить людям. Благодаря этому, образ оленя-амаркана приобрел оттенок избранничества и уединения, что совмещается с образами солнца и луны на небесной сфере. Но такое же уединение есть и на священных «задах» юрты, а также в отхожем месте.

В сущности окончание кан в слове амаркән — олень (от 5 лет и старше, то есть взрослый олень) с учетом кә — закрывать, запирать, к'а — перегородка и к'ан — груды, кана — стена, а также кан — родственник, кани — друг, может означать принадлежность такого оленя к некому священному месту, где есть много уединенных объектов, что в то же время соответствует мифологическому образу оленя — посредника между миром людей и загробным миром, где обитают духи-помощники из числа умерших родственников и друзей, к которым мог принадлежать и тотем данного животного. Поэтому после смерти человека забивали его верхового оленя, чтобы покойник мог ехать на нем в густонаселенный, но не доступный живому человеку, подземный мир. То, что рога оленя являются символом Мирового древа, а их периодическое сбрасывание и появление новых молодых рогов символизирует силу возрождения, также привязывает образ оленя к священному месту, где есть надежда на появление новой молодой жизни. Можно предположить, что таким местом являются лоно земли (в данном случае кладбище) и женское лоно.

Поэтому эвенк. амӯ- - пахнуть (испражнениями) и амэ — сон вместе с амурӯк — отхожее место, амурбу — наполниться содержимым и амӯн- испражняться не случайным образом сочетаются с тунгусо-маньчж. ур — живот, опухоль, нарост и дагур. ур — дитя, ребенок, потомство, семя, которые совмещаются в едином образе беременной женщины согласно маньчж. игип — невестка, сноха, жена сына, при том что в тунгусо-маньчж. языках есть и аму — жена старшего брата, и даже урӯн — радость, копыто, что объясняется правильным отелом у самок животных, когда первыми появляются передние копыта теленка.

В то же время начальное иг в маньчж. слове игип может быть связано с маньч. ига — ягодицы, нижняя часть и игі — круглый контейнер для зерна, а также с ип — хлев, где в иносказательном виде зафиксировано женское лоно и живот беременной женщины-самки.

Эта древнейшая связь между испражнениями и рожденным ребенком-плодом, предваряемая сакральной «нечистотой» половых отношений, до сих пор сохраняется в русском народе, когда женщины иногда говорят «высрала» вместо «родила», имея ввиду приготовленный внутри организма «продукт». На это указывает санскр. śrāti — готовить, варить, когда организм в

одном случае исторгает остатки переваренной пищи, а в другом случае изготовленного в горниле женской утробы младенца.

Поэтому слабого ребенка когда-то «перепекали», помещая его на несколько мгновений в теплую печь, которая в обряде «перепекания» служила аналогом женского лона. Занималась этим не какая-то сказочная Баба-яга, сующая ребенка на лопате в печь, а опытная женщина-повитуха, в прошлом бывшая жрицей.

Подобная связь между испражнениями и плодом присутствует и в удэг. огбио амуни — смородина (ягода) с буквальным переводом «лосиные испражнения», этуңгиз амуни — малина (ягода) с буквальным переводом «испражнения бурундука» и т. д.. Вероятно эта связь есть и в русск. словах кал и калина, основу которых можно сопоставить с санскр. kāla — черный, темный, смерть с учетом того, что под калиной когда-то могли пониматься ягоды бузины, при том что сама бузина с плодами красного или черного цвета в мифологии была посвящена подземному миру.

В то же время связь ягоды и испражнений просматривается и в русск. словах ягода и ягодицы с учетом возможного табуирования, когда наименования детородных половых органов заменялись словами «бедро, нога, ягодицы» или словами «промежность» и «материнский рот», что могло привести к появлению диал. ягодица — щека.

Также можно указать на отдаленные от народов, живущих на реке Амур, крымскотат. уре — моча (сравните: латин. urina — моча) и ури — красавица, гурия, у которой, к тому же, было достаточно силы (мóчи), чтобы родить ребенка. Еще одно такое же отдаленное урумск. уру - яма для зерна (сравните: маньчж. игі – круглый контейнер для зерна), гной, слизь, клык имеет ассоциативное отношение к женскому (яма) и мужскому (клык) началам, а также к сакральной «грязи» или перегною (в данном случае сперме), которые необходимы для плодородия. Сюда же можно добавить русск. диал. ур́а — болото, ур — гора, водораздел и ураз — внебрачный ребенок, где через эвфемизмы передаются достаточно «грязные» взаимоотношения «горы» с «болотом» и очевидное их последствие.

Поэтому, продолжая ассоциацию, в тунг. амур — озеро, качать люльку можно увидеть зафиксированную мифологическим мышлением древнего человека связь воды и какого-то рожденного водой плода,- сравните: тунг. аму — озеро, ўр — живот, дагур. ур — потомство, семя, дитя, ребенок,- который может быть ничем иным, как островом, часто заливаемым водой. На это указывают тунг. ур — нырять, ўр — поднимать (в данном случае над водой) и нивхск. ур - остров с низкими берегами, низменный, что может быть связано как с наводнениями, так и с тунгусо-маньчж. мифологией о сотворении мира, когда земля в результате ныряния в воду первогероя (человека или птицы) была поднята в качестве первоострова на поверхность воды, а затем растянута по ее поверхности согласно тунгусо-маньчж. ўра покрыть (корой), как болото покрывается ряской.

Исходя из этого, можно предположить, что в слове Амур зашифрован Большой Уссурийский остров вместе с островом Тарабаров, которые представляют из себя довольно необычный природный объект, заставляющий реку обтекать его по двум направлениям, когда потоки воды как будто зажимают его в «тиски» или в «объятия», что описывается солонск. амў — губы и эвенк. урў- - сжимать, беречь, при том что аму (=амут) в тунгус. (эвенк) языке когда-то означало «озеро», а амўн в солонск. - «рот».

И, действительно, значительно расширенное в этом месте русло реки напоминает своей формой озеро (или утробу), вмещающее в себя этот объединенный остров согласно эвенк. ам — вместительный + ур — живот или согласно монг. ам - рот, пасть, устье + ур — желвак, нарост или + ўр — плод, семя, дитя, ребенок.

Район первоначального Амура

Вне всякого сомнения с эвенк. ам — вместительный или с монг. ам - рот, пасть, устье в качестве вмещающего элемента прекрасно сопоставляются латин. ama – ведро и вьет. âm — горшок, котел, котловина, а латин. uřina – семенная жидкость, моча наверняка имеет общие корни не только с крымско-тат. ури — красавица и уре — моча, но и с эвенк. урин — вторая (то есть более молодая и сексапильная) жена и вьет. u gê — моча. Как мы видим, значения этих слов соответствуют женской сущности реки благодаря ее темной «утробе», вмещающей в себя большой остров. Тем не менее нанайск. ам — мужское начало, самец и эвенк. ур — самец, мужчина определяют ее мужскую сущность, переданную русским уважительным Амур-батюшка. В один ряд с этими «мужскими» словами можно поставить старофр. ami – друг, любовник, латин. amo (amāre) – любить и латин. uro — возбуждать, натирать, жать, сопоставляемое с урумск. ур — бить, ударять и латин. uřigo – сластолюбие, похоть, Таким образом устанавливается определенная связь между названием реки Амур и латин. amor – любовь, страсть, томление, что подтверждают тунгусо-маньч. амуран — охотник до чего-л, любитель и дагур. амура — любовник, причем образ бога любви Амура в виде ребенка может иметь отношение к тунгусо-маньчж. ам — дорогой, любимый (при обращении к младшим). Но таким «ребенком» для женской сущности реки мог быть вынашиваемый ею плод в виде Большого Уссурийского острова (вместе с островом Тарабаров), бóльшая часть которого была не так давно отдана настойчиво добивавшимся этих двух островов китайцам, вероятно, хорошо изучившим историю этого места.

На возможность представленного образа указывают тунгусо-маньчж. аму — жена старшего брата, кит. âmũ — мать и тунгусо-маньчж. ур — живот, из чего возникает трактовка названия этого участка реки как «материнская утроба», с чем согласуется мифологический образ духовного острова-убежища и, одновременно, острова смерти, наполненного тишиной и покоем. Поэтому монг. амцг — покой, спокойствие и тунг. амурā - отдыхать, набираться сил, а также эвенк. āми - сон и тунгусо-маньчж. ура- умереть, могут быть связаны с Корсаковским могильником «непокорных» чжурчжэней на Большом Уссурийском острове, который, наверняка, был когда-то священным местом для проживающих в этих местах народов, их потомков, причем этот священный остров можно отождествить с материнским лоном земли, из которого должны были появиться будущие людские всходы, что соответствует тунг. ами — жизнь и эвенк. урэ — душа человека (в том числе и выходящая из тела душа шамана), а также эвенк. урин-останавливаться, которое можно представить в виде ури — недавно, в прошлом + ин – жизнь.

Поэтому на острове имеются исключительно грунтовые захоронения,- то есть могилы без насыпей и курганов, символизирующих «беременность» земли, потому как нет смысла насыпать курганы над могилами, если сам остров воспринимался как один широкий и вместительный курган. На это указывают эвенк. ам — широкий, вместительный и ур — живот, горсть, охапка,

собрание, совпадающее с татарск. ур — подъем, возвышенность, холм, которые могут создавать соответствующий этому могильнику образ с учетом того, что чрево острова воспринималось как символ беременности, предшествующий будущему рождению человека-всхода, который при захоронении соответствовал семени, посеянному в землю и созревающему там в тихой любви и спокойствии, что согласуется с монг. ати — знак, зерно и ати- — спокойствие, отдых, любимый, любовь.

Естественно, что эти слова могут относиться и к ребенку во чреве матери, который спустя определенное время должен был бы созреть и родиться в полном соответствии с да(г)ур. атиг — здоровый, целый, невредимый, сохранный, здоровый и с монг. атиг — покой, удовольствие, хорошее здоровье, благополучие. На это указывают монг. ати — знак, зерно, совпадающее по смыслу с монг. йге — зерно, плод, ребенок, и с маньч. игэ- созреть, к которым можно добавить урум. ам(у) — вульва и нанайск. ам — мужское начало, имеющее также значение «дорогой, любимый» в тунгусо-маньчж. языках при обращении к младшим членам семьи. Но таким же должен был возродиться и умерший человек, как возрождается после темной ночи умирающее к исходу дня солнце, являя миру то, что обозначается монг. йг — заря, рассвет.

Исходя из вышесказанного, можно утверждать, что именно в районе Большого Уссурийского острова с его священным могильником могла существовать настоящая река Амур, связанная с русской мифологической рекой Смородиной, отделявшей мир мертвых от мира живых, поэтому так близки значения др.-русск. *смьрдъ — сильный запах, вонь и звенк. аму — дурно пахнуть, вонять. Но река Амур имела облик Смородины именно в этом месте и нигде иначе. Более того китайское название Амура Река Черного дракона еще крепче привязывает этот образ к мифической черной реке Смородине с обитавшим на ее берегах Змеем Горынычем. Правда, русская река в других мифологических источниках называется еще и огненной, что, тем не менее, может быть связано с звенк. аму — сажа, нагар и негид. ам- — тлеть, опалиться, пожелтеть (от огня), где, в общем-то, пересекаются черный и огненный цвета, а также есть пересечение и с сообщениями китайцев о желтоволосых джурчжэнях, обитавших на берегах Амура. К тому же священное место на Большом Уссурийском острове или по-китайски Острове Черного медведя, что согласуется со словом ама — отец, медведь, могло во время языческих праздников или похорон освещаться кострами, да и цвет амурской воды желтоватый. Более того эпитеты огненная и черная, соотносимые с рекой Смородиной, можно сопоставить с Белым драконом, прежним владельцем Амура, и Черным драконом, его победившим, где может быть зафиксирована победа черноволосого народа (монголов) над светловолосым (джурчжэнями). Ну и, наконец, черный и огненный цвета реки Смородина могут быть также связаны с цветом ягод черной и красной смородины, что в то же время соответствует образам разделенных рекой Смородиной миров. Более того цвет ягод смородины соответствует цвету ягод бузины, образ которой связан с потусторонним миром. Наверное, красные ягоды этих кустарников символизируют наш мир, а черные ягоды — мир мертвых, в то время как сами кустарники символически находятся на грани миров, смыкаясь в этом с образом реки Смородины.

Что же касается этимологии названия данной реки, то по огненному цвету это название может быть связано с санскр. mṛḍa, которое в качестве синонима применялось к богу огня Агни, при том что значения mṛḍ (= mard) — быть добрым, снисходительным и mṛḍ (=mard) — глина, земля, раздавливать, давить, убивать, стирать можно отнести к нашему и потустороннему мирам, которые разделяет река Смородина, причем грозным является, все-таки, наш убивающий людей и животных мир. Поэтому и существуют указанные ранее тунгусск. амурā — отдыхать, звенк. амър — валяться, отдыхать, хакасск. амыр — мир, покой и монг. амар — спокойствие, умиротворенность, связанные с образом могильника на Большом Уссурийском острове, в то время как тунгусо-маньч. ама — скорее, быстрее соответствует динамике мира живых, хотя при этом два вроде бы противоположных значения быстроты и покоя сходятся в едином образе, стоящем за словом «спать» — заниматься любовью.

А так как губительное mṛḍ (=mard) — раздавливать, давить, убивать тождественно mṛt-, которое можно сопоставить со словами смерть и мертв, то это позволяет в начальном «с» увидеть связь с санскр. sa — приставка соединения, что аналогично русскому «с(о)». То есть название Смородина можно трактовать как «связанная с миром добрым и миром убивающим», что соответствует пограничному состоянию реки. Более того название Смородина может состоять из частей, родственных санскр. samāra — встреча, столкновение, сражение и dā (pp. di-na) —

резать, разделять, расчленять, чем и занимались герои русских «сказок», срубая головы Змею Горынычу во время условно «сказочных» сражений.

Сюда же можно добавить диал шмара — любовница (совпадающее с мандейск. zmaḡa — песня, музыка, мелодия, разгул, бесстыдство), которое Фасмер с большим сомнением сравнивает с гот. smagna - навоз, кал, грязь и д.-в.-н. smēgo - сало, жир, хотя это сомнение можно убрать с помощью русск. диал. жируха — разбитная девка, которая любит погулять, и жировик — пригульный ребенок. При этом, кстати, гот. smagna - навоз, кал, грязь тождественно тунгусо-маньч. аму с тем же значением, а русск. шмара — любовница тождественно тунгусо-маньч. аму — жена старшего брата, которой было разрешено в отсутствие мужа иметь неафишируемую сексуальную связь с его младшими братьями.

Конечно, сравнение любовницы с грязью и навозом выглядит крайне непривлекательным, но это, как уже было сказано, объясняется тем, что под испражнениями могло пониматься не только отправление естественных потребностей, но и излияние спермы, и роды, и сопли, и даже истечение женского молока, что добавляет еще одно значение диал. слову ягодица — женская грудь, хотя, конечно, под ягодой, в данном случае, мог пониматься и сосок.

Но в то же время слово шмара является профанным вариантом санскр. smāga — вспоминающий, помнящий, стремление, любовь и smāga — воспоминание, стремление, томление, - то есть печаль об ушедших любимых людях, которые отправились за реку Смородину. Поэтому в мандейск. слове zmaḡa есть дополнительные значения «сдерживание, обуздание, пресечение, обочина, бордюр», что может соответствовать образу некой обуздывающей чувства границы, которая, тем не менее, может вызывать чувство какого-то внутреннего томления у живого человека.

В таком случае смысл названия реки Смородины можно передать и через smāga + dā (pp. di-na), что соответствует ее значению в качестве обуздывающей и разделяющей границы.

При этом Калинов мост, соединяющий берега реки Смородина, логично связать с образом Большого Уссурийского острова, также отправлявшего умершего человека в иной (подземный) мир, ведь санскр. kālīna — временный как раз и означает кратковременность такого перехода в мир богини Кали, при том что kālī имеет значение «черный, темный», а чуть измененное kalī означает «ссора, раздор», что соответствует ссорам богатырей на Калиновом мосту со Змеем Горынычем и ассоциативно связывает разлучение любящих друг друга людей в результате смерти с их разлучением в результате ссоры, так как любая долгая разлука в народных представлениях приравнивалась к смерти.

При этом любопытно рассмотреть монг. амар (диал. амур) — спокойствие, благополучие, безмятежность, вечная жизнь и тунгусо-маньчж. амар — зад, бедро, ляжка, за которыми стоит общий образ мирной жизни, наполненной любовью и тишиной, которая возможна в утробе беременной женщины или «на задах», то есть «позади» места бурных событий, куда можно включить и кладбище с успокоившимися, но по-прежнему любимыми, людьми.

В принципе на это указывают монг. амаржил — успокоение, покой, родить, разрешиться от бремени, амаржих — родить, успокоиться, жить спокойно, благополучно и амаржигч — роженица, покойник, хотя отчасти за значением амаржигч могла стоять и высокая смертность женщин или новорожденных при родах. В этот же ряд можно поместить и диал. amurdži - стать спокойным, умиротворенным, причем в этом диалекте словом dži подзывают для кормления любимых родителями маленьких детей, чей образ сочетается с тунгусо-маньч. ам — дорогой, любимый и дагурск. ур — дитя, ребенок, потомство, семя.

А так как дагурск. ам — рот, уста, пасть, зев, зерно, крупа в качестве «материнского рта», питающегося мужским семенем, вполне соответствуют вьетн. am — маленький храм, ám – волновать и âm — женская сущность инь, то это позволяет в дагурск. амуран — охотник до чего-л., любитель вычленив элемент уран — мастер, умелец (по женской части), то есть любовник, что соответствует европейскому богу Урану, который, олицетворяя собой небесный свод, то и дело поливает небесной «спермой» в виде дождя или света матушку-землю, являясь ее постоянным любовником.

В то же время стоит обратить внимание на название реки Ἄμιρος (Амир) в греч. Фессалии, которое в словаре Лидделла, Скотта трактуется как «водный, неблагоприятный, коровник, хлев», что совпадает со смыслом эвенк. амурӯк — уборная и др.-гр. ἀμύρα — ров, канава (по которым могут течь грязные стоки), в то время как слово αμιος - мускульное желание из того же словаря, которое по другим значениям сопоставлено со словом οκέλος — бедро, голень, нога, не может не

соответствовать и эвенк. агаг – зад, бедро, ляжка, под чем, как было уже сказано, может скрываться табуированное детородное место.

При этом если эвенк. слово агаг символизирует ночную работу, то др.-гр. ἄμαρ — день, пора, время символизирует дневную часть жаркой человеческой работы, когда мужчины, занимающиеся крестьянским трудом, с началом восхода солнца отправляются пахать лоно земли. Но оба эти слова определенным образом связаны с санскр. агага — бессмертный, бог. В то же время слово Ἄμιρος фонетически совпадает с древнетюркск. аміг – любить и арабск. амир (эмир) — повелитель, вождь, которые имеют общие корни с тунгусск. амі – отец, муж, предок и āmī – быть в состоянии сна (в том числе вечного), при том что слово «спать» содержит в себе смысл сексуальных отношений.

А теперь с этих рассмотренных ранее позиций вернемся к трактовке «(Д)амур - большая река», где окончание «мур» отождествим с тунгусо-маньчж. мурӯ — река и бурят. мурэ - большая река, которые в то же время можно сопоставить с европ. словом «море» (потому что мировой океан некогда представлялся в виде «вселенской реки»), а начальное «а» - с тунгусо-маньчж. а — да, производящая сила, выпуклость, мужское начало и ā — спать, что касательно мужчины может быть связано с половыми отношениями, а касательно Амура-батюшки — с течением его сонной, то есть темной и медленной, воды в морское лоно.

При этом тунгусо-маньч. мӯ — вода, обод (шаманского бубна) связывает образ шамана с рекой Амуром, что было отмечено ранее. На это же указывают тунгусо-маньч. муру — образ, облик, изображение (амулеты и куклы, изображающие духов и богов), муру- - обходить вокруг (движения шамана по кругу) и мӯрāн — дух, мурач — духовная сила. Связь шамана с рекой Амур можно объяснить и через сопоставление образа шамана, лечащего людей, с местом, где по народным представлениям находится жилище смерти, под которым понимается море, да и речная или болотная вода тоже. Более того значение «обод» может относиться не только к бубну, но и к сакральному шаманскому пространству, а в расширенном смысле к территории могильника на Большом Уссурийском острове, окруженном водою Амура.

Однако с морем или «вселенской рекой» связывается и зарождение новой жизни, что соответствует тунгусо-маньч. урӯ — родня и урӯ- - зародиться, которые можно сопоставить с окончанием слова мурӯ — река, что позволяет трактовать это слово как «рождающая (родная) вода». Дополнительные уру — правда, истинность, урӯ — горсть, пригоршня и уру- - проголодаться лишь подтверждают возможности постоянно готовой на определенные действия производящей силы, связанной с водою в прямом и переносном (в качестве спермы) смысле.

В то же время варианты тунгусо-маньч. «да» так или иначе обладают смыслом привязки к чему-л.: да — умеренный (признак обуздания), дā — родственник по свойству, дā (н-) - место, д'а — вата (масса переплетенных волокон), чу! (при прислушивании к звукам), да- - привязать, дā- - выследить, заразиться, оставить след. В сущности и русск. «да», означающее согласие, ровно также привязано к чьему-то мнению.

Можно предположить, что присутствующее в тунгусо-маньч. словах значение некой привязанности или стеснения соответствует району Большого Уссурийского острова (вместе с островом Тарабаров), рожденного водой и зажатого в тиски двух речных направлений,- но в то же время мешающего свободному течению реки, при том что дāми — широкий можно связать с чрезмерно расширенным в этом месте руслом Амура, а даму — только, единственно — с его уникальностью. В таком случае окончание «ур» можно сопоставить не только с нивхск. ур — остров, но и с маньчж. ула — река, и с эвенк. олус, орус, урус с тем же значением, при том что монг. ул означает «основа, основание, сущность», а ур — мастерство, желвак, нарост и ураг — родственник.

Дополнительно связь острова с могильником, который воспринимался как место будущего возрождения, определяется сопоставлением нивхск. ур — остров и эвенк. ўр- - ожить, воскреснуть, как возрождается похороненное в земле семя в виде взошедшего ростка.

В то же время слово дамур может быть связано и с ороцк. дāми ўли — широкая река в случае мены р-л, при этом обратите внимание на казахск. ұл — сын, мальчик и ороцк. улэ – место, где рукав реки отходит от главного русла. Но именно перед отстрвом Тарабаров, который когда-то мог составлять с Большим Уссурийским островом единое целое, происходит деление речного потока на два расходящихся рукава, огибающих этот остров, что соответствует ороцк. уру- гнуть, сгибать и позволяет представить слово дамур в виде дāми + уру, что равнозначно трактовке «широко изгибающаяся», причем такой необычный изгиб реки на небольшом участке мог обладать значением сакрального места. То, что слово ўли — река через ўли — огибать что-либо

по воде соответствует уру- гнуть, сгибать, а также эвенк. урус — большая река, лишь подтверждает это сопоставление огибающего участка реки с островом, на который также указывают нивхск. ур — остров, тунг. ур — нырять и ўр — поднимать вместе с нанайск. эри- - топиться, тонуть, залить, затопить, протянуть веревку вокруг дома и нанайск. эри - время, пора, сезон, период (сравните: эра), за чем может стоять период наводнений, затапливающих остров с низкими берегами.

Более того нанайск. эри - обвязка, обнаруженное в Сравнительном словаре тунгусо-маньчжурских языков, имеет религиозное значение и означает веревку, которой окружают дом с покойником, что может иметь отношение к могильнику на Большом Уссурийском острове, окруженном «веревкой» из воды. В таком случае угаритск. dmr – большой котел, полный зерна, равное dd в первом значении, может соответствовать многочисленным захоронениям на этом острове, в то время как угаритск. dd во втором значении «любовь, близкий человек» соответствует весьма распространенному культу предков, в котором неразрывно соединены любовь и смерть, а также смерть и (воз)рождение.

Любопытно, что на этот же образ играют др.-тюркск. amul – спокойный, тихий и amurt – успокаивать, укрощать, при том что остров с успокоившимися мертвецами в то же время мешает потоку речной воды идти по своему направлению, разбивая его на две части и таким образом его укрощая.

При этом угаритск. dmr – большой котел, полный зерна, можно ассоциативно связать с тем фактом, что Амур среди остальных рек России выделяется самым большим разнообразием рыб, а также с образом молодой семейной пары (два потока), способной к обильному плодородию. Но в то же время в угаритском языке есть и слова d-m-g — петь, восхвалять, dmr – хранитель, воин, крепость, защита, что может иметь религиозный оттенок, который можно отнести и к особому статусу, каким в древности обладал Большой Уссурийский остров.

Дополнительно в словаре Арсеньева можно обнаружить, что ороцк. ули — вода, река имеет также значения «болотистый, вязкий, земляной, мутный, наносный, камышовый, лесистый, песчаный, берег, остров», что еще больше привязывает название Амур к сакральному острову возле Хабаровска, который, к тому же, расположен в болотистой местности.

И, наконец, можно привести слова из лесного диалекта ненецкого языка: дя́м — море, большая река, дяна — медлительный, дяна"ку — тихий, спокойный, смирный, медлительный и дя́н — зола, сажа, совпадающее с эвенк. аму — сажа, нагар, которые также применимы к образу реки Амур, причем лесное дя — берег со стороны реки, место вычленяет окончания на «м», «н» и «н»), которые могли иметь свой собственный смысл и другой вид, ныне трудно определяемый.

Поэтому вначале обратимся к похожим по смыслу и фонетике словам из других языков, где ирл. dam — канал, водовод, водоем, водохранилище очевидным образом совпадает с ненец. дя́м — море, большая река, при том что по ассоциации оба этих слова могут быть соотнесены с др.-егип. словом tema — сосуд, чаша с напитком, которое другим иероглифом записывается как tema — связывать вместе (сравните: егип. dmi - быть присоединенным и ирл. dámh — свита), за которым проглядывает и слово «тема» как общий замысел, и слово «дым», который присоединен к источнику, а также слово дамба, которая может не только преграждать путь речному потоку, но и разделять его на части, что соответствует образу Большого Уссурийского острова. А теперь обратимся еще раз к древнеегипетскому языку, где обнаружим слова tem-ā — рубить, tem — прорезать и temi - наводнение, которым, между прочим, могут соответствовать вьетн. đăm – запускать, колоть, таранить, đâm – треснуть, лопнуть, окунать и đãp — рубить, разрезать. Если применить эти слова к острову, то он, действительно, разрезает водный поток на более медленные части, что соответствует лесному ненец. слову дяна — медлительный, которое удивительным образом в сочетании с древнеегип. đãp — рубить, разрезать может олицетворять и новорожденного, которого отделили от матери и который никуда не торопится, как никуда не торопится и остров в отличие от содержащей его водной стихии.

В то же время значения древнеегип. tm, tem — исчезать, погибать, tem – гробница, tamam, tema – мешок, tmm – деревянный ящик, tam – покров, завеса, пелена и tms — хоронить можно связать со смыслом Корсаковского могильника на Большом Уссурийском острове, где мертвых могли хоронить в мешках и деревянных ящиках (гробах). Поэтому не случайно русск. слово дом связано со словом домовина — гроб, могила, а слово «там» своим наиболее древним смыслом может быть связано с выражением «все там будем», при том что лесное ненецк. мя” - чум в качестве аналога дома или домовины как раз и может относиться к лесному ненецк. дя́м —

море, большая река, если учитывать мифологическое значение моря (или реки, подобной Амуру) как жилища смерти и в то же время места будущего возрождения.

В таком случае можно найти и смысл окончания в слове дяңу — зола, сажа,- и это ңо — остров, чей образ в качестве могилы или дома для отгоревших душ вполне соответствует образу домовины, тем более что в древности существовал обычай греть покойников, то есть возжигать рядом с кладбищем поминальные костры. А то, что этот остров в отличие от текущей речной воды остается на своем месте, привязывает к слову дяңу — зола, сажа слово дяна — медлительный, что также соответствует образу медленно тлеющих углей в сравнении с быстрыми языками пламени.

После чтения статьи может возникнуть закономерный вопрос: что появилось раньше, слово Амур или элементы, его составляющие, тем более что таких знаковых слов может быть достаточно много? Скорее всего, наиболее вероятен первый вариант, когда слово, связанное с каким-нибудь особым объектом, не только расходится по разным языкам с различными, хотя и восходящими к единому образу, значениями, но при этом оно может делиться на части, значения которых в совокупности соответствуют описанию данного объекта.

Благодаря этому появляется множество смыслов, так или иначе соответствующих одному и тому же слову, что должно заставить более внимательно относиться к старым словам, в том числе и к названиям рек, сообразуясь с их возможным сакральным значением.

Литература

Словари приамурских языков:

Norman J. A Concise Manchu-English Lexicon

Захаров И. Полный маньчжурско-русский словарь

Оненко С.Н. Нанайско-русский словарь

Петрова Т.И. Нанайско-русский словарь

Оненко С.Н. Словарь нанайско-русский и русско-нанайский

Цинциус В.И. Негидальский язык. Исследования и материалы

Савельева В.Н., Таксами Ч.М. Нивхско-русский словарь

Савельева В.Н., Таксами Ч.М. Русско-нивхский словарь

Полетьева С.Ф. Нивхско-русский словарь к школьным учебникам

Fortescue M. Comparative Nivkh Dictionary

Гирфанова А.Х. Словарь оро-русский и русско-оро-ский

Аврорин В.А., Лебедева Е.П. Оро-ские тексты и словарь

Арсеньев В.К. Русско-оро-ский словарь. Материалы по языку и традиционной культуре оро-чей и удэгейцев

Shirokogoroff S. M. A Tungus dictionary

Титов Е.И. Тунгусско-русский словарь

Симонов М.Д., Кялундзюга В.Т. Словарь удэгейского языка (хорский диалект) том I

Шнейдер Е.Р. Краткий удэгейско-русский словарь. С приложением грамматического очерка

Кормушин И.В. Удэгейский язык

Василевич Г.М. Эвенкийско-русский словарь

Болдырев Б.В. Эвенкийско-русский словарь

Мыреева А.Н. Эвенкийско-русский словарь

Роббек В.А., Роббек М.Е. Эвенкийско-русский словарь

Дополнительные словари:

Ганкин Э. Амхарско-русский словарь

Stratmann F. A dictionary of the Old English language

Skeat, Walter W. An etymological dictionary of the English language

Черемисов К.М. Бурят-монгольско-русский словарь

Ошанин И.М., Ву Данг Ата (ред.) Вьетнамско-русский словарь

Vietnamese-English Dictionary (175 тыс. слов)

Тодаева Б.Х. Дагурский язык

Дворецкий И.Х. Древнегреческо-русский словарь

Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка

E.A. Wallis Budge An Egyptian hieroglyphic dictionary

Бектаев К. и др. Краткий казахско-русский словарь
Китайско-русский словарь (издание Шанхайского института иностранных языков)
Усеинов С.М. Кырымтатарджа-русча-украиндже лугъат
Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь
Drower E.S., Macuch R. A Mandaic dictionary
Лувсандэндэв А. Монгольско-русский словарь
Г.Д. Санжеев, М.Н. Орловская, З.В. Шевернина Этимологический словарь монгольских языков
Lessing F. Mongolian-English dictionary
Mostaert A. Dictionnaire Ordos
М. Я. Бармич, И. А. Вэлло Словарь ненецко-русский и русско-ненецкий (лесной диалект)
Van den Baar A.H. Groot Nederlands-Russisch Woordenboek
Фасмер М. Русский этимологический словарь
Словарь русских народных говоров
Monier-Williams A Sanskrit-English Dictionary
Ивановский А.О. Образцы солонского и дахурского языков
Татарско-русский словарь : В 2-х т.
Березгин И.П. Словарь татарского языка
Douglas Adams Tocharian Dictionary В
Цинциус Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков
Баскаков Н.А. Турецко-русский словарь
Stachowski Marek Kurzgefaßtes etymologisches Wörterbuch der türkischen Sprache
Этимологический словарь тюркских языков
Gregorio del Olmo Lete Joaquín Sanmartín A Dictionary of the Ugaritic Language in the
Alphabetic Tradition
Гаркавец А. Урумский словник
A.J. Greimas Dictionnaire de l'Ancien Français jusqu'au milieu du XIV e siècle
Баскаков Н.А., Инкижекова-Грекул А.И. Хакасско-русский словарь
Alwin Kloekhorst Etymological Dictionary of the Hittite Inherited Lexicon
Словарь церковно-славянского и русского языка

Литература о шаманах:

Банзаров Д. Черная вера или шаманство у монголов
Басилов Избранники духов
Бурнаков В.А. Образ змеи в сакральных шаманских практиках хакасов
Гардинер Ф. Ворота в другие миры
Диксон Олард Шаманизм — сила от природы
Опарин А.А. На родине шаманов
Сарангэрэл Зов шамана
Шаповалов А.В. Шаманизм как религиозная система
Широкогородов С.М. Опыт исследования основ шаманства у тунгусов

Другая литература:

Мельников А.В. Топонимический словарь Амурской области
Элифас Леви Учение и ритуал высшей магии

Картинки взяты из интернета. Спасибо авторам.